Ольга Шерстобитова
Научите меня летать

Ольга Шерстобитова

Научите меня летать

«Автор»

2017

Шерстобитова О. С.

Научите меня летать / О. С. Шерстобитова — «Автор», 2017 — (Научите меня летать)

ISBN 978-5-9922-2453-5

О темных магах, сильных и опасных, ходит немало зловещих историй. Но разве думаешь об этом, спасая ночью в зимнем лесу раненого мужчину? Я не могла и представить, чем все для меня обернется. А теперь знаю точно: страшные сказки лгут! Один его взгляд обжигает сердце, каждое прикосновение — нежнее шелка. И с этим мужчиной не страшно пройтись и по краю пропасти, ведь уверена — не отпустит и защитит. Только как быть, если у него тайн больше, чем можно представить, а враги – коварны и безжалостны? Лишь верить, что любовь окажется сильнее, подарит крылья и согреет своим огнем. Книга также выходила под названием «Полет ласточки».

ISBN 978-5-9922-2453-5

© Шерстобитова О. С., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 15
Глава третья 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Ольга Шерстобитова
Научите меня летать

Глава первая

Риана

Прогулка в зимний лес ночью за хворостом – что может быть ужаснее этого наказания? Многое. Но от осознания этого легче не становится. Когда ты сирота, не имеющая ни кола ни двора, и зависишь от тех, кто тебя приютил, пусть и не бескорыстно, выбирать не приходится.

Я потерла руки в тонких рукавицах, безуспешно попыталась их согреть. Луна спряталась за мохнатыми серыми тучами в самый неподходящий момент, и темнота липкой паутиной окутала со всех сторон. Мне чудилось, что за каждым сугробом притаилось чудище. Корявые ветки тянулись, словно чьи-то скрюченные пальцы, которые вот-вот схватят и причинят боль. Коленки от этих мыслей слабели. Спрятаться бы, сбежать. Нельзя. Не наберу хвороста – сразу же окажусь на улице. И не одна. У меня еще Орас есть, о нем нужно заботиться. А трактир Барисы – единственный возможный для нас приют.

Я прикрыла глаза и постаралась успокоиться. Нужно гнать от себя мысли-страшилки, которые упорно лезут в голову. Наклонилась и подобрала несколько веток. Отряхнула от снега, напоминающего манную крупу, сунула в холщовый мешок, испуганно оглянулась.

Чернеющие стволы деревьев и снег, оседающий на ветках. Ничего и никого кругом. Тишина, которая пугала больше, чем обычные шорохи леса в любое время. Хоть бы ветер пробежался дыханием среди голых ветвей! Или какая-нибудь птица вспорхнула в глубине деревьев. Я была бы согласна даже на жуткий вой волков в непроходимой чаще. Пустые надежды.

Когда не двигаешься, то холод сильнее сжимает в объятиях. Если бы не он, засомневалась бы, что в лесу нахожусь. Темно, тихо и страшно, как в глубокой яме. Я однажды провалилась в такую. И вспоминать не хочется, как тогда перепугалась. На память остался шрам на лодыжке.

Я вздохнула и снова принялась за дело, поминая недобрым словом Гженку – дочь трактирщика. Темноволосая, кареглазая, крепкая, к тому же с богатым приданым, она считалась завидной невестой. Если бы не мстительный злобный характер. Это благодаря ей я оказалась в лесу. Началось-то все банально. Я, скрючившись в три погибели, мыла полы возле трактирной стойки. Гженка «случайно» дважды опрокинула ведро с грязной водой мне на ноги. Захмелевшие посетители стали смеяться над неумехой-поломойкой. Гженка ядовито улыбалась, позволяя красавцу-купцу Миразу, своему жениху, целовать ей ручки.

В третий раз поиздеваться решил Мираз. Только вода пролилась почему-то на Гженку. Случайно, разумеется. Что дальше? Визг, ругань и громадный силуэт Барисы – жены трактирщика надо мной. Она заправляла здесь всем, отодвинув в сторону тихоню-мужа. Я не раз слышала историю о том, что трактир достался Барисе в наследство от бабки по материнской линии – властной сварливой старухи. Карла с внучки потребовала взамен одного – выйти замуж. Выбор Барисы пал на Санора – шестого по старшинству в крестьянской семье. Бедный, как церковная мышь, привыкший к тому, что братья им помыкали, Санор не смел ни в чем перечить жене.

Я суетливо вытирала тряпкой расплескавшуюся воду. Объяснять, что я ни при чем, даже не пыталась. Все равно не поверят. Да и нет у меня такого права – оправдываться.

Дородная Бариса, затащив меня наверх в свою комнату, ругалась долго и со вкусом. В красках расписала неблагодарность за проявленные по отношению ко мне доброту и сострадание. Когда словесный поток иссяк, я сжалась, зная, что за ним последует. Удар. А потом еще один. И еще один. Лишь бы не закричать и не сдвинуться с места. Иначе только хуже сделаю.

Просто терпеть.

Почему? У меня нет выбора. Семь лет назад в Олений Рог – деревеньку, где я жила, – пришла чума. Родители сгорели меньше чем за неделю, оставив меня, двенадцатилетнюю девчонку, и моего годовалого брата Ораса одних. Почему мы с ним остались в живых – не знаю. Тогда полдеревни выкосило, прежде чем подоспели маги-целители. А в ночь накануне их приезда случился пожар. И к моему горю добавилось еще одно: мы с братом лишились дома. Помню, как в одной белоснежной рубашке прижимала к себе испуганного мальчишку. Стояла и бессильно смотрела на желтые языки пламени, лижущие деревянные балки и крепления. Тогда я старалась не думать о том, чего лишилась за последние сутки. Страшнее смерти родителей и этого пожара было только одно: похоронить отца и мать, ушедших за грань вечером, я не успела. Мне в утешение не осталось даже могилы, чтобы было где хоть иногда поплакаться.

А синяки да ссадины… Только бы Ораса не трогали – он еще совсем ребенок. Бариса, правда, рассвирепела больше не от пролитой воды, а от того, что от Гженки очередной потенциальный жених мог сбежать. Два предыдущих встречались с ней, а свататься пошли ко мне.

И вспоминать не хочется, чем закончилось то сватовство. Неделю в горячке лежала, а на спине остались шрамы. Мне эти женихи были не нужны. Да и ни один из них ни разу не подошел даже поздороваться. Барису это тогда не смутило. Я попыталась напомнить, что до двадцати лет на каждой девушке лежит заклятие неприкосновенности. Если, конечно, та замуж не выйдет и добровольно от защиты не откажется. Куда там… Меня и это от расправы не спасло. Что может случиться со мной через год, когда исполнится двадцать, я старалась не думать. Было не просто страшно, а очень-очень-очень страшно.

Бариса считала, будто я женихов приворожила. Только чем? Внешность у меня обычная для этих мест – светлые волосы и серые глаза. Приданого нет, дом сгорел, на руках младший брат – кого прельщу-то? Но нет же… Бариса была уверена, что я специально крутилась у парней под носом, дабы у ее драгоценной красавицы и умницы Гженки ничего не вышло. Да нужны мне эти женихи, как свету забытое болото! Неужели она не может понять, что нет смысла менять ее побои на побои мужа. Но Бариса – это Бариса. Она всегда права. Во всем. О чем тут говорить?

А Гарин, сын кузнеца, и Кром, сын портного, те самые несостоявшиеся женихи… они, оказывается, просто хотели пошутить. Это я узнала от Гженки спустя неделю, когда пришла в себя. С тех пор неприязнь к мужчинам у меня переросла в слепую ненависть. До сжатых до боли ладоней. И жгучей, давящей внутри пустоты. Те, кто смеет обижать и унижать слабого, зависящего от чужой воли человека, ничего хорошего и не заслуживают.

За проделку Мираза мне пришлось сегодня расплачиваться походом в лес за хворостом. Хоть я его за лето и осень столько натаскала, что до следующей зимы с лихвой хватит. Даже если придут самые лютые морозы и топить придется в два раза больше. Впрочем, зачем об этом сейчас думать? Ничего ведь изменить не могу.

Я ушла в невеселые мысли, и, только сунув очередной ворох веток в вязанку, поняла, что та полна. Значит, можно возвращаться. Закинула мешок на плечи, глубоко вздохнула и замерла. Я оказалась в совершенно незнакомом месте. Со всех сторон черные стволы деревьев. По-прежнему непроглядное небо над головой. Ни единой звезды на нем. Хрустящий снег под ногами. И в какой же стороне опушка, где раскинулся дуб? От него я пошла влево, туда, где всегда можно больше набрать хвороста. Я оглянулась, надеясь обнаружить что-то знакомое. Изгиб замерзшего ручья чуть левее от меня. Впереди заснеженные кусты с горькой рябиной, которой любили лакомиться снегири. Упавший ствол огромной сосны, расколотый молнией прошлым летом, позади.

Ну хоть что-нибудь! Не могла же я заблудиться! И, как назло, кругом такая темень – ничего не разберешь. Я почувствовала, что снова начинаю паниковать. Сердце забилось чаще, дыхание сбилось, ноги словно примерзли к снегу.

В отчаянии закусила нижнюю губу. Ничего. Совсем ничего. Куда же я забрела? Хворост надо было собирать, а не в воспоминания проваливаться! Да что толку себя ругать? Нужно выбираться. Если и не ради себя, то ради Ораса. Несколько минут я пыталась что-нибудь придумать, а затем глаза уткнулись в латаные-перелатаные валенки. Следы! Я же могу по ним пойти и вернуться обратно! В этот момент луна, прятавшаяся за тучами, удачно выползла и осветила пространство вокруг меня. От облегчения я широко улыбнулась, поправила мешок с хворостом. Собралась уже развернуться в нужном направлении, но в чаще раздался громкий треск. Я невольно посмотрела туда, откуда шли звуки.

Разглядеть по-прежнему было ничего нельзя, но шум стоял страшный. Создалось ощущение, что через чащу напролом лезет огромный медведь, не разбирая пути. Бежать! Это единственная мысль, которая пришла в мою голову. Не оглядываясь. Не задаваясь вопросом, что позади. Ясно же – ничего хорошего. Только так у меня будет шанс спастись от дикого зверя. Я скинула под ближайшее дерево вязанку с хворостом, не думая, что со мной за это сделают. Главное – остаться живой. Остальное не имеет значения. Рванула в сторону, но, не пробежав и пары десятков метров, зацепилась за упавшее дерево и кубарем полетела в овраг, зачерпывая рукавами снег.

Все это случилось настолько быстро, что я даже не закричала. Только охнула, когда попыталась сесть. Разбитая коленка саднила. Шерстяной платок сбился, затянувшись узлом на горле, стало трудно дышать. Я непослушными руками его стянула. Так, что теперь? Надо перевязать колено.

Стоп. Там же в чаще дикий зверь, который вот-вот может меня настигнуть, и волноваться о ране уже не придется! Я нервно оглядела лес, стеной темнеющий вокруг меня. Как тихо. И ни шороха. Ни звука. Все по-прежнему. Как будто только-только сюда пришла. Совсем странно. А где же тогда медведь? Он не настолько умен – сидеть и выжидать не будет. Или просто ушел, не заметив меня? Получается, я спаслась так нелепо просто потому, что зацепилась за ветку и упала в овраг? Я хихикнула. Видимо, нервы сдают. Но надо выбираться, пока не случилось новой напасти.

Я оторвала лоскут от нижней рубашки и крепко перебинтовала рану. Повязала платок, отряхнула снег с ветхого полушубка, осторожно поднялась, огляделась, прикидывая, где лучше всего забраться наверх. Поняв, что все равно придется карабкаться, утопая в снегу, решила идти проторенным путем.

Наверху я оказалась нескоро. Несколько раз застревала в снегу, с трудом сдерживая горькие слезы от боли и не менее горькие мысли о том, что будет, если я не справлюсь. Если бы не цеплялась за выступающие корни, крепкие и от того надежные, ни за что бы не смогла преодолеть этот подъем. Овраг оказался не только крутым, но и наполненным рыхлым снегом, в котором я увязла почти по пояс. Отдышалась и посмотрела по сторонам. Никаких следов дикого зверя. Значит, можно осторожненько попытаться добраться до хвороста и…

Тут до меня дошло. А что медведь делает в лесу зимой? Что? Ему спать в берлоге положено. Нет, случается, конечно, что дикого зверя потревожит кто-то из охотников, и медведь, злой и голодный, будет бродить по лесу. Но о подобных случаях сразу же становится в нашей деревне известно. И в чащобу никто не сунется до тех пор, пока зверя не убьют. Значит, о медведе-шатуне речи не идет. Да и староста деревни Фадей бы точно предупредил! Прошлой зимой, когда охотники разбудили медведя, он не поленился и каждый дом обошел.

Я села на поваленное дерево и потрясла головой. Получается, у страха глаза велики и мне все только привиделось? И шум, и треск, и…

Я решительно встала и пошла в сторону чащи. Если не пойму, что там произошло, и не увижу причину своего страха, он не пройдет. И каждый раз, возвращаясь в этот сумрачный лес, по пятам будут красться шорохи и ужас. Такое надо в зародыше убивать. Иначе ничего путного из меня не выйдет.

Подошла к густому ельнику и остановилась, прислушиваясь. Снова ни звука. Отодвинула пушистые ветки ели, увернувшись от сыпавшегося за пазуху снега. Вгляделась в темноту. И сделала шаг. Пройду немного, надо убедиться, что ничего страшного тут не произошло. Потом вернусь. Интересно, а что было-то тогда, если не медведь? Упало дерево? Не похоже. Вот если несколько, то вполне вероятно. А почему упали?

Пока я размышляла о случившемся, добралась до опушки. А там… Несколько деревьев действительно оказались повалены. От них поднимался дым, как от пожара. Хотя я четко помнила – огня, искр и хоть какого-нибудь света не было. Я перешагнула через тонкий ствол березы, случайно его задев. Пошатнулась. Вместо поваленного дерева остался только пепел. Это что, колдовство? У нас в Оленьем Роге я и магов-то видела за свою жизнь всего дважды. Сначала утром, когда от моего дома осталось пепелище, а затем два лета назад, когда в эти места случайно забрел странник, наделенный даром. Нереально такое.

Нет, знахарка у нас есть. Она и травки нужные заговорить может, простенький амулет сделать, но колдовать… Нет, это совсем другое. Получается, тут, на поляне, недавно побывал сильный колдун? Пора делать ноги. Ввязываться в дела магов чревато последствиями. Неприятными, к слову сказать. А мне плохого в жизни хватает.

Едва я об этом подумала, как раздался стон. Я вздрогнула. Стон повторился.

– Эй, кто тут? – прошептала я, стараясь не дрожать от страха.

Ответа не последовало.

Я снова вздохнула. И какая темная бездна меня потянула в чащу! Можно, конечно, развернуться и сбежать. Только за гранью за эту трусость придется ответить. Да и что мне терять-то? Нет, если подумать, то есть что, разумеется. Я не могу бросить Ораса одного, поэтому со мной не должно ничего плохого случиться. Но и раненого человека оставлять на погибель в заснеженной чаще тоже нельзя. Уговаривая себя, я осторожно и медленно пробиралась к месту, где слышались стоны.

Из-за туч очень кстати снова вынырнула луна. Я добралась до источника звуков и пожалела, что не сбежала. Однозначно маг. Кто еще способен повалить столько деревьев, превратив их в пепел? И судя по черному плащу – темный. Да еще и мужчина. Я застонала про себя. Эх, сегодня мне не везет так не везет. Желание сбежать возникло снова. Но… Всегда есть это незыблемое «но». Мужчина, да. Но плохого он мне ничего не сделал. Не хватал ниже талии, не грубил, не отпускал сальных шуточек, не… В общем, одно сплошное «не».

Теперь поздно думать. Не бросать же его здесь в самом-то деле. Может, он попал в беду.

Подошла к нему и опустилась на корточки. Протянула руку, чтобы откинуть капюшон и пощупать пульс. Мужчина снова застонал, а по верху плаща засветилась золотистая сетка.

Он что – преступник? Или его кто-то поймал? Гадай не гадай, а колдовство я снять не могу. Я – не маг, я – обычный человек без способностей к колдовству.

– Эй, вы живой? – спросила я, не решаясь прикоснуться.

– Да, – раздался хриплый голос, от которого внутри у меня все мгновенно заледенело.

Значения это сейчас не имеет. Помогу освободиться и забуду об этом.

– Я не сниму сетку. У меня нет дара, – осторожно сказала я.

– Ты ее в состоянии увидеть? – удивился он.

– Да. Я могу позвать на помощь. Если вы ранены, то…

– Нет, – твердо сказал мужчина. – Никто не должен знать, что я здесь оказался. Запрещаю.

В воздухе мелькнула молния. Нарушу его приказ – умру. Если стану спасать, а я, увы, стану, и он уйдет за грань – отправлюсь следом. Меня его приятели или враги в любом случае найдут. Как миленько-то! Ненавижу магов.

Мужчина снова застонал и невнятно выругался.

Точно, какие-нибудь делишки свои темные проворачивал, попался в ловушку, и теперь… теперь я стала свидетельницей. Значит, долго не жить, если что. Тьфу ты, как ни поверни, а мне все один путь. Но и сидеть просто так нельзя. Значит…

– Чем могу помочь?

И откуда у меня столько смелости?

– Капля крови, отданная добровольно, сможет разрушить сеть, – отозвался он.

Я стянула рукавицу, нащупала острую щепку под своими ногами, сжала зубы и порезала палец. Рана тут же заныла, но я позволила капле крови стечь над незнакомцем. До него она не долетела, беззвучно растворилась в воздухе, но сеть пошла волнами и исчезла.

– Все. Подняться сможете?

Мужчина не ответил. Похоже, потерял сознание. Я бегло осмотрела его, не прикасаясь, но повреждений не нашла. Пришлось осторожно потянуть за капюшон плаща. Длинные черные волосы с фиолетовым отливом рассыпались по бледному лицу с заостренными скулами. Я медленно ощупала его голову, а потом перешла к плечам и ногам. При этом старалась не думать, что делаю. Нервы целее будут.

У мага оказалась сломана рука, на ноге – рана шириною с мою ладонь, на лбу, у левого виска – порез. Пришлось отрывать от рубашки лоскуты и перевязывать. При этом я лихорадочно думала, что же делать дальше. К людям идти нельзя. Он запретил. А нарушить приказ мага – все равно что подписать себе смертный приговор. Остается одно: вернуться к опушке леса, а потом неприметной тропкой пробраться к укромной пещере. Она была моим пристанищем и убежищем, когда уже не хватало сил оставаться в таверне у Барисы и Санора. Может, и обойдется все, маг останется жив, а я без особого ущерба выпутаюсь из этой передряги. При последней мысли внутренний голос ехидно усмехнулся.

Надеюсь, маг не тяжелее двух вязанок хвороста. Волоком его не потащишь, ранен же. Значит, нужно взвалить себе на спину, что я и проделала. Первый шаг дался тяжело. Пожалуй, я любого медведя с такой ношей спугну.

Пьяной походкой, с передышками и остановками, с постоянными напоминаниями о том, что сейчас неприязнь к мужчинам нужно оставить, забыть о ней на время, я добралась до пещеры. Спрятанная за густыми кустами орешника, она показалась мне родной и желанной. Я положила мага у входа, а сама отправилась рвать лапник для ночлега. Принесла его побольше, перетащила туда мужчину. Так, сейчас нужно разжечь костер. Спички у меня тут припрятаны, а хвороста нет. Можно, разумеется, вернуться к мешку, брошенному в спешке. Я задумалась на мгновение. Не годится. Пока дойду, пока донесу, незнакомец замерзнет. Легче новый собрать.

Через некоторое время затрещал костер, и я согрелась, с тревогой наблюдая за мужчиной. Он так и не пришел в себя. Снова осмотрела его раны. Повязки пропитались кровью. Придется менять. Скинула полушубок, верхнюю рубаху, повернулась к нему спиной. Стянула нижнюю, которую пустила на лоскуты уже наполовину, торопливо оделась.

Осторожно перебинтовала, но испачканные лоскуты не выкинула. Постираю и высушу. Пригодятся. Рубашек у меня всего две. Решив не откладывать в долгий ящик, сходила к замерзшему глубокому ручью неподалеку. Камнем пробила лед, жалея, что у меня не нашлось ножа. Непозволительная роскошь для сироты иметь что-то свое. Хорошо имелась жестяная помятая кружка, выкинутая кем-то за ненадобностью возле колодца. В нее я набрала воды, а потом опустила в ледяную стынь руки и принялась стирать повязки. На холод я приучила себя в таких случаях не обращать внимания. Впервой в проруби белье полоскать, что ли? Ну, руки красными будут. Не привыкать.

Примерно через полчаса я вернулась. Посмотрела на мужчину, который так и не пришел в себя. Не нравится мне его состояние. Губы холодные, сухие, а лоб покрылся испариной. Нужны лекарства. Но какие? И где их взять, не имея права выдать себя? Да и денег нет.

Все-таки мужчины несносны, а маги тем более. Хоть бы головой подумал, прежде чем запрещать идти за помощью к людям. Я постаралась унять злость, которая во мне разбушевалась.

Посидела немного возле костра, греясь и стараясь успокоиться. У меня была припрятана здесь золотая монета. Ее я нашла на дне реки полгода назад, когда пошла за водой. Задумавшись, зачерпнула песок и ил. Когда стала выливать, чтобы чистой воды набрать, сверкнуло нежданное сокровище. У Ораса весной день рождения. Думала, куплю ему на ярмарке леденцов и сладкий пирог, а также маленький складной ножик.

Теперь праздник окончательно и бесповоротно отменялся. Монету придется отдать знахарке за лекарства. Оставалось придумать, как сделать так, чтобы она меня не узнала. Взгляд зацепился за плащ незнакомца. Если надену его, накину капюшон, то никто и не узнает, что за ним – не маг. Так, странник. Я снова разделась до рубашки и штанов. Стянула с мага меховой плащ, а его накрыла своим полушубком и платком. Прислушалась к его хриплому дыханию, поняла, что надо спешить.

До знахарки я добралась быстро.

– Мне нужно заживляющее и восстанавливающее силы зелья, – с порога сказала я дрожащим голосом, отдавая знахарке золотую монету.

Когда случилась чума, маги-целители привезли нам именно такие зелья. Название врезалось в память. Надеюсь, что они колдуну помогут.

– Проходите, госпожа. Сейчас все дам, – сказала Матильда, угодливо распахивая двери.

– Недосуг мне. Давай быстрее. И хлеба с похлебкой.

Матильда закивала и нырнула в дом, решив не спорить и ни о чем не спрашивать. Нет, можно, конечно, зайти погреться. Искушение было велико. Но риск выдать себя тоже большой. Во-первых, на мне валенки. У приезжих, а уж тем более у магов, всегда на ногах сапоги. Но поменяться обувкой с незнакомцем не получилось. Нога у него была больше моей. Во-вторых, распознать меня легко. Стоит капюшон откинуть. Лучше тут постою, в темноте.

– Вот, госпожа, нужные вам зелья. И еда… все свежее. Похлебки во флягу я налила, да небольшой каравай хлеба положила. Но лучше бы зашли вы к Барисе с Санором. У них таверна…

– Спасибо, – кивнула я и, не прощаясь, нырнула в темноту ночи.

Уж не знаю, что знахарка подумала, когда я еще и еды попросила. Но от магов можно и не такого ожидать. Их распоряжения просто выполняются без всяких возражений. Пусть считает, что посетительница торопилась по своим надобностям.

Путь до пещеры я преодолела легко. Меня даже ночной лес теперь не пугал. Не до этого было. Прочитала этикетки на флаконах, восстанавливающее силы зелье влила магу в рот, а заживляющим смазала раны. Поставила возле костра похлебку и рядом положила завернутый в тряпицу хлеб. Удержалась от соблазна отломить от края каравая. За весь день, кроме куска хлеба утром, ничего во рту больше не было. Но магу сейчас еда нужнее.

Снова переоделась, закутав мужчину в его плащ. Тот внутри был подбит мехом и оказался теплым. Я даже согрелась, когда бегала за зельем. Стужа незнакомцу не грозит. Это мой тулуп – дырка на дырке, один ветер радуется. У мага же одежда сшита крепко и ладно. Одна рубашка чего стоит. Белоснежная, из мягкой ткани, а не грубого льна серого цвета. Швы ровные, точные. Непривычная даже на ощупь. Какой-то медальон на шее, несколько колец на пальцах. Похоже, не бедствует. Ну да, я опять ушла в свои мысли. А надо возвращаться. Сильно задержалась. Навещу незнакомца завтра. Все, что можно, я для него сделала. Лекарства и чистые повязки нашла, еды оставила, хвороста натаскала. Костер точно не должен до рассвета догореть. С этими мыслями я и покинула пещеру.

Мешок с хворостом оказался тяжелее, чем хотелось бы. И разбитая коленка, о которой я уже забыла, начала нещадно жечь и ныть. Обратный путь до деревни дался непросто.

– Что так долго? За смертью тебя посылать! – зычно выдала Бариса, едва я показалась в дверях на кухне.

Опустила вязанку с хворостом возле очага и не решилась протянуть к огню руки.

– Сгинь с глаз моих долой.

Не дожидаясь очередной взбучки, я нырнула за дверь. В маленькой каморке под лестницей было темно. Слегка пахло смолой, которой щедро законопатили щели. В углу привычно шебуршали мыши. Где-то наверху поскрипывали половицы. Орас сладко посапывал во сне. Но едва я разделась и нырнула к нему под одеяло, проснулся.

– Риана, ты вернулась, – сонно прошептал он.

– Да. Спи. Завтра рано вставать.

– Замерзла, – утвердительно сказал братишка, прижимаясь ко мне.

Я не ответила, и так понятно, что он прав. Натянула одно на двоих старенькое серое одеяло, прикрыла нас моим полушубком, сунув под голову платок, и закрыла глаза.

* * *

Вставать пришлось затемно, как всегда. Санор распахнул ставни и постучался в дверь. Потянулась, легко поцеловала Ораса в макушку. Хотелось разбудить, обнять, услышать его звонкий смех. Вздохнула. Ступила босыми ногами на промерзшие за ночь половицы, быстро оделась, обула старые изношенные башмаки, сполоснула лицо студеной водой. Поломанным деревянным гребнем расчесала спутанные волосы, заплела в крепкую косу. Немного времени потратила, чтобы перевязать колено, которое уж слишком сильно ныло.

Затем разожгла огонь в печи. Он весело затрещал, освещая пространство кухни. Блеснули начищенные чугунки и сковородки, развешанные на стенах. Взгляд упал на расколотый глиняный горшок, сиротливо стоящий на подоконнике. Еще неделю назад в нем цвел крошечный белый цветок, пока не попался под руку недовольной Барисе. Хозяйка трактира не терпела ничего ненужного. Цветок, с трудом выращенный мной, ей казался лишним. Сгодился только на то, чтобы в пылу гнева из-за недоваренных щей быть разбитым об пол. Я все надеялась, что смогу починить горшок и вырастить новый цветок. Погладила шершавые черепки, задумчиво смотря на морозные узоры на окне. Вздохнула. Сбросила глиняные куски в ведро.

Когда Бариса пришла на кухню, чтобы отдать распоряжения на сегодняшний день, я подбрасывала полено в пламя.

– Кашу на завтрак сварить, полы подмести, собак дворовых покормить, столы протереть, – выдала она, кутаясь в лазоревый платок с длинными кистями. – После завтрака посуду помыть, убрать мои комнаты и Гженки, привести в порядок комнаты постояльцев, приготовить обед, а затем скажу, что делать.

Я кивнула и принялась за работу. И пока семья и постояльцы неспешно завтракали, припрятала в передник кусок хлеба. Сдается, раненому магу будет нужна еда, а брать ее негде. Рассказать про мужчину нельзя, а денег у меня нет. Значит, придется потуже затянуть поясок. Ну да ничего, потерплю немного.

Орас, которого я разбудила, сонно пожевал краюху хлеба, оделся и отправился кормить собак. После завтрака, когда я протерла столы, подмела полы и перемыла посуду, планы Барисы изменились. Санару нездоровилось, и она отправила меня за снадобьем к знахарке.

И вот тут мне повезло или не повезло, смотря с какой стороны подойти. У знахарки была очередь из двух человек, а третий находился в пахнущей травами горнице. Прошка, сын солдатки, кутал в платок вздутую щеку. Марьяна – сестра плотника Арнавия, нервно теребила кончик рыжей пушистой косы, выглядывающей из-под платка. Они-то и сообщили, что раньше чем через час мне тут делать нечего. А значит, можно подойти попозже и пока навестить мага.

Днем лес не казался мрачным. Обычная чаща, где царствуют голые ветки да снег. Безмолвным он тоже не казался. Чирикали воробьи, время от времени встречаясь на пути. Белохвостый заяц нырнул в кусты, испугавшись меня. Я шла, оглядываясь – нельзя было допустить, чтобы кто-то увидел, как я кралась от околицы до деревьев.

Маг, видимо, приходил в себя ночью, так как еды не оказалось. Но сейчас он то ли спал, то ли просто ослаб и снова потерял сознание. Я поменяла повязки, отметив, что раны стали затягиваться. Пощупала лоб и порадовалась – он не был горячим. Послушала дыхание, которое стало ровнее. В полумраке костра осторожно рассматривала незнакомца.

Красивый. Настолько красивый, что у меня внутри екнуло, когда расчесывала принесенным гребнем его волосы. Те, к слову сказать, были мягкими, как шелковые нити, из которых сшиты рубашки Гженки. Интересно, какие у него глаза? Поймав себя на этой мысли, я покраснела. Совсем не туда что-то потянуло. Он же маг. Темный маг. Такой на меня, сироту, никогда и не посмотрит. Это в сказках прекрасные принцы влюбляются в нищенок, а я живу в реальности. Пора бы с этим смириться.

Я подбросила еще пару веток в костер и выскочила из пещеры. Если Бариса обнаружит мою долгую задержку, то добра не жди. Нужно торопиться.

Следующие три дня я с трудом выкраивала время, чтобы выбраться в лес и навестить мага. Каждый раз, когда я оказывалась в пещере, он либо спал, либо был без сознания. Раны его затянулись, но я понимала, что колдун слишком слаб. Еды бы побольше и получше, а не два куска хлеба с водой за сутки.

На четвертый день пещера оказалась пустой. Я растерянно осмотрела лапник и потухший костер. Видимо, маг нашел в себе силы и открыл переход. Ну, возможно, оно и к лучшему. А то я слишком уж стала привыкать к своей тайне. Наверное, потому что она была тем немногим, что принадлежало только мне.

Я надкусила принесенный ломоть хлеба и покинула пещеру. Надеюсь, у темного мага, имени которого я даже не спросила, все в жизни сложится лучше, чем у меня.

Эжен

Демоновы силы! Ловушка! Я попался. До мельчайших деталей все продумал, попросил Гарда и Лана подстраховать меня и… Чтоб тебя! Как неразумный птенец, опутан сетями и лежу на ледяном полу. Чужая магия тянет силы. В глазах темнеет. Почти не могу шевелиться. И не могу поверить в происходящее.

Долетался!

Ненавижу!

Пиявки болотные! Птицеловы мерзкие! А если тронут Владу… Убью! Даже если за гранью окажусь, найду и в пепел превращу.

Так, стоп.

Вдох. Выдох.

Успокоиться. Сосредоточиться. Не злиться. Взять силы под контроль. Тогда сеть, лишенная частично моей магии, немного ослабнет, не будет жечь.

Выровнял дыхание. Прислушался. В глазах по-прежнему темнота. Обоняние, лишенное магической подпитки, почти сошло на нет.

Беспомощен.

А проклятая тройка наверняка уже в пути. И наше свидание не за горами.

Ну уж нет! Не дамся! Не дождетесь моей легкой смерти, порождения бездны!

Надо действовать. Срочно.

Попробовал призвать магию. Слабый отголосок. Но и сдаваться я не собирался. Не приучен. Проигрывает тот, кто опускает руки. Можно уйти от всего на свете. Даже от смерти.

Сеть натянулась. Значит, они совсем близко. Снова сосредоточился на призыве силы. Еще немного, и я просто не в состоянии буду шевелиться.

Яркая вспышка. Боль, выкручивающая мышцы. Удар.

* * *

Я медленно приходил в себя. Перенесся. Не совсем удачно и непонятно куда, правда. Но значения это уже не имело. Главное – ушел. И жив. Относительно, судя по ощущениям.

Какая же это мерзость – перемещаться на пределах своих возможностей! И если учесть, что оказался я совсем не там, где планировал, оставалось только взвыть.

Сейчас же я бессильно лежал на животе, опутанный золотистой дрянью, все еще высасывающей мои силы. Снег колол правую щеку. В глазах по-прежнему все плыло. Сильная боль в ноге и руке была почти сносна. К ранам я привык. Могу потерпеть. Но о том, чтобы подняться, не могло быть и речи. Сеть, будь она неладна, хороша! Надеюсь, что хоть в безлюдное место попал.

Прислушался. Тихо. И холодно. К огню бы сейчас. И друзей бы рядом. Нет, Гард и Лан в беде не оставят, в этом я не сомневался. Найдут, вытащат, помогут. Только бы успели раньше тех, кто начал за мной охоту.

Безликие не сдадутся никогда и ни за что. Они выведали мою тайну и по пятам пойдут. Им неведома, как мне, усталость. Псы-ищейки противные! Чтоб их!

Раздались чьи-то шаги. Легкие. Осторожные. Чутье и обоняние обострились. Зверь? Ребенок? Кто-то остановился возле меня, наклонился, отпрянул. Человек. Однозначно. Животные раненых не боятся. А этот шарахнулся. И не враг, судя по всему. Но раньше все равно себя выдавать не буду.

Стоит, не уходит.

Разглядеть мне ничего не удалось. Зрение не хотело возвращаться. Да и то, как я лежал, не способствовало бы этому. Я прислушался. Дыхание сбившееся, сердце колотится. Незнакомец принес с собой запахи леса, словно долго тут находился. Терпкая кора дерева. Свежая хвоя ели. Горьковатый вкус рябины. И было что-то еще, легкое, сладкое, нежное.

Девчонка… В этом я не сомневался. Испуганная, судя по ее колотящемуся сердцу и неровному дыханию. Как она оказалась в лесу глубокой ночью? При всем своем воображении не мог отыскать достойной причины.

Да живой я, живой. Пока.

Глупая. Неужели думает, что, не обладая даром, можно увидеть сеть? Похоже, судьба ко мне благосклонна. Чудом сбежав от безликих, встретил в лесу колдунью. Непроявленную. Даже не подозревающую о своей силе. Но все же…

А на помощь звать не нужно. Те, кто расставил ловушку, непросты. Мигом до них дойдет весть, что в деревне оказался раненый маг. Нельзя себя выдать. Запретил.

Поверила, надо же. Как будто мои угрозы без магии что-то значат. Наивная. Откуда такая взялась-то? Да развернись она сейчас и уйди, не найду ее ни за что на свете. Если выживу, разумеется.

Помочь она хочет. Странная. Я же темный маг. Это я всех из бед выручать должен. Впервые за последние десять лет мне предлагает помощь человек.

Чем? Понятно же, колдовать она не умеет. Хотя есть один способ снять эту мерзость. Но она не согласится. Никто добровольно не пожертвует каплей крови для темного мага. Я закусил губу. И тут же пришла темнота.

Очнулся в какой-то пещере. Огонь плясал, бросая отсветы вокруг. Я лежал на лапнике, укрытый собственным плащом. Хм… Пошевелился. Помню, что болели рука и нога. Но ран

как будто бы и нет. Снова пошевелился. Ничего. Она что, умудрилась добыть мне нужные зелья? Занятно. А куда делась сама? Надеюсь, не пошла за помощью.

Не похоже вроде. Хворост возле стены напротив темнеет. Лоскуты белые на камнях разложены, словно их стирали и оставили сушить. И в проем полоска света пробивается. Утро? Или уже день? Не понять. В пещере царит полумрак.

Выбраться бы отсюда без неприятностей. Но когда у меня их не было-то? Мечтатель. Знаю.

Я вздохнул и попробовал осторожно сесть. Голова кружилась, слабость не давала спокойно вздохнуть. Пригляделся к тряпице, в которую явно было что-то завернуто. Еда? Потянулся рукой. Взял. Угадал. Но есть не хотелось совсем. Подташнивало. А пить… Вода нашлась в кружке рядом с моей лежанкой. Выпил. Снова лег.

Где Гард и Лан? А безликие? И сколько прошло времени? Как я оказался в этой пещере? Неужели девчонка дотащила? С трудом в такое верилось. Позаботилась обо мне? Нелепо? Смешно? Неправильно? Это от темных магов люди ждут помощи. Не наоборот. А ведь знала, кто я…

Мысли в голове все еще путались. Нет, так не пойдет. Нужно возвращать силы. Они мне нужны, чтобы покинуть это место.

Следующие дни и ночи слились в одно долгое мгновение. Я ел хлеб и пил воду, недоумевая, почему девчонка не приносит нормальной еды. И ее, кстати, ни разу так и не увидел. Хоть спасибо сказать бы. Она мне как-никак жизнь спасла, а я в долгу быть не привык. Тем более она пожертвовала каплей крови, дав мне над собой власть.

Я протянул руки к огню, дарящему силы. В этот момент открылась темная воронка портала, и я увидел выходящих из нее Гарда и Лана.

Глава вторая

Риана

Ночь выдалась ясная и звездная. В другой раз я бы остановилась и полюбовалась на кружево рассыпанного по небу жемчуга, но не сегодня. Мороз стоял такой, что дышать удавалось с трудом. Несколько дней назад холода буквально выморозили Олений Рог. Даже вода в колодцах превратилась в лед, чего раньше никогда не случалось. Приходилось бегать за ней к реке.

Прорубь, и не одну, в деревне давно выдолбили, но стужа оказалась сильнее. Нужно было ломом сбивать тонкий ажурный лед каждый раз, когда оказывалась на реке. Один плюс – так невозможно замерзнуть, моментально согреваешься.

Ледяная вода, которую я зачерпнула ведром, казалась черной. Нырни в это словно бы бездонное оконце и никогда не увидишь солнца. Там, на дне, его точно нет. Я подняла тяжелые ведра, надеясь, что наконец-таки смогу принести их и отогреться возле печи, прежде чем снова окажусь на морозе.

И какая ведьма и с какого болота дернула к нам еще трех постояльцев принести! Как будто семерых мне недостаточно. Работы снова прибавилось, но к ней я была привычна. Просто надеялась, что найду время посидеть с Орасом, который третий день лежит с простудой. Жар никак не спадает. Лекарств нет. Все, что мне удалось – это выпросить у Барисы мешок с травами, которые я завариваю брату несколько раз в день. Побыть бы с ним. Эх…

Эта троица словно сговорилась! Обеды им подавай из трех блюд. Ванну они принимают дважды в день каждый (представьте, сколько раз я только сегодня к проруби сходила). И непонятно, что у нас в глуши забыли. Бариса же да Гженка рады стараться. Одежда на мужчинах дорогая, украшенная камнями, а браслетов обручальных не видать. Возраст, правда, определяется с трудом. Вроде бы по виду им не больше тридцати пяти лет. Но столкнулась я с одним из них взглядом и поняла – странники наши не так просты, как кажутся. В глазах прямота и уверенность в своей силе.

Я боялась даже подумать, что они маги. И постоянно строила предположения, зачем сюда явились. Хотя ни один из них за четыре дня ни разу не применил колдовство. Может, оно им ни к чему? Или не хотят стать узнанными? Мне бы до этого не было дела, если б не страх, что ищут они спасенного мною пару недель назад мага. Пропадает же постоянно куда-то их третий товарищ. Я ни разу его так и не увидела за эти дни. И только по количеству тарелок и стираемой одежды могла сказать о его явном наличии.

Я все-таки надеялась, что мои предчувствия не сбудутся. И, как оказалось, зря. Едва вышла на натоптанную за день тропу с двумя ведрами воды, как от деревьев отделился темный силуэт. Мгновение, и мне перегородили дорогу. Я поставила на снег ведра, заметив, как вода в них стала покрываться льдом, и уставилась на мужчину в плаще. С минуту мы стояли молча. Я окинула его взглядом, гадая, что ему понадобилось от сироты, а он беззастенчиво рассматривал меня. Я прямо-таки чувствовала его оценивающий взгляд, скользящий от макушки до пят.

А потом мужчина откинул капюшон, и я вздрогнула. Узнать в нем мага, найденного мной в лесу, не составило труда. Блестящие черные с фиолетовым отливом волосы рассыпались у него по плечам. А глаза оказались золотисто-зелеными. Хотя раньше я была уверена, что такого оттенка в природе даже не существует.

Зачем он здесь? Я сделала для него все, что смогла.

Мужчина медленно, словно боясь спугнуть, подошел ко мне.

«Так, Риана, главное сейчас успокоиться и не паниковать. Ты ничего плохого не сделала. А страшные сказки про магов только ленивый не придумывает и не рассказывает».

Мужчина наклонился и подхватил ведра с водой, приведя меня в изумление. Я даже дышать на миг перестала.

– Пошли.

Приказ, которому не подчиниться я не имела права. Он все равно сильнее. А у меня – Орас.

Мы шли и молчали. Темный колдун на пару шагов отставал, так как не знал, куда нужно идти. Он просто следовал за мной. Снег скрипел под его сапогами. От этого единственного звука становилось жутко. За небольшой отрезок пути от реки до трактира я перебрала в голове безумное количество вариантов того, что будет дальше. И как потом выяснилось, не угадала.

Мы с мужчиной подошли к трактиру. Я посмотрела на него, не зная, как пригласить его войти. Он медлить не стал, кивком головы показал на дверь, чтобы открыла. Забрать ведра я не решилась. Прошла на кухню через запасной вход, остановилась возле печи, от которой веяло жаром. Маг оказался рядом и неподалеку поставил ведра с водой. Снова посмотрел на меня. И почему-то стало страшно от взгляда этих золотисто-зеленых глаз.

Я не раз видела змей, бывая в лесу. Но встреча с одной из них врезалась в память. Черная, гладкая и скользкая. Она укусила Хрома – одного из сыновей пекаря, и он умер через пару часов. Так вот, у той змеи взгляд был точно такой же, как у мага. И цвет глаз практически один в один. И он гипнотизировал меня. Я стояла, леденея от ужаса, и даже не шевелилась.

– Где тебя носит…

Бариса влетела на кухню и осеклась, увидев мага. Даже забыла, как хотела меня назвать.

– Господин Эжен, вы заблудились? – уточнила она.

Колдун не ответил, лишь как-то странно посмотрел на перстни с крупными камнями, сверкающие на пальцах Барисы.

– Я провожу вас к господам Гарду и Лану, – пропела хозяйка трактира, величаво поправляя выбившуюся из высокой прически прядь.

– Не стоит, – ответил мужчина, огибая ее и выскальзывая за дверь. – Освободитесь, найдите меня. Дело есть.

Надеюсь, оно не связано со мной.

И только тогда, когда в кухне остались мы с Барисой, до меня дошло, что мужчина и есть тот самый неуловимый третий постоялец. Эжен… какое неподходящее для него имя. Совсем. А Гард и Лан – тоже маги. И пришли они все-таки по мою душу. Я пропала!

– …только посмей снова влезть, да я тебя…

Обрывок фразы долетел до меня уже тогда, когда Бариса метнулась к выходу на звон колокольчика. Через минуту, когда я ставила воду на огонь, она вернулась и подошла ко мне. От испуга я невзначай зацепилась рукавом за полку, где стояла посуда. Две тарелки, зазвенев, упали на пол и разбились. Я поймала взгляд Барисы и вздрогнула – слишком хорошо знала это выражение ее лица, сжалась, увидев ее поднятую руку, зажмурилась. Но удара не последовало. Я открыла глаза и уставилась на Эжена, держащего занесенную надо мной руку Барисы. Ой, что натворил! Нельзя ее было останавливать. Хуже будет. Не для них, для меня. Они-то уедут, а мне совсем житья не станет.

– Я, кажется, просил позвать Риану, а не поднимать на нее руку, – сказал мужчина таким тоном, что у меня мороз по коже пошел.

– При всем уважении, господин, эта девка заслужила наказание.

Трактирщица взглядом указала на осколки под моими ногами.

– Да неужели? – спросил темный колдун, заинтересованно смотря на меня. Казалось, разбитая посуда его совсем не волновала.

– Да, господин. Толку от нее нет. Неумеха она. Лентяйка, каких свет не видывал. Неблагодарная. Раз уж вам не угодила, то самое дело напомнить, где ее место. Это мой прямой долг.

Эжен нахмурился.

– Риана, поднимайся в мою комнату.

Ответить я не успела. И даже осмыслить этот приказ.

– Господин, так ей нет двадцати лет. А защиту только замужество может снять. Подождали бы вы годочек, тогда сама вам ее и привела бы, – ласковым голосом пропела Бариса, явно прикидывая прибыль.

Перед глазами у меня все поплыло. Так вот какая судьба меня ждет всего через год! А я-то все надеялась… На что? На каплю понимания? На неприкосновенность? На доброту? Получай, Риана. Я сжала руки, стараясь дышать ровно. Главное, не сорваться. Некуда мне пойти зимой с болеющим простудой братом.

– Риана, – послышался голос Ораса, и я, не думая и не спрашивая, рванула на его зов.

За спиной послышался вой Барисы, ругань Санора, крик Гженки, мужские голоса. Но это все не имело никакого значения. Я склонилась над братом, ощупывая его горячий лоб, налила в кружку отвар из треснутого кувшина, напоила его, вытерла влажной тряпицей лоб, покрытый испариной.

– Потерпи, мой хороший. Ты обязательно поправишься, – прошептала я.

О других вариантах думать не хотелось. А слезы, подступающие к горлу, я смогла остановить, хоть и с трудом.

Мальчишка застонал. Потом неожиданно глаза его округлились.

– Вы кто? – прохрипел он.

Я резко обернулась и уткнулась лбом в плечо мужчины. Его руки обхватили меня и отодвинули в сторону. Эжен склонился над Орасом, пощупал лоб, провел над ним рукой.

– Нужно зелье от простуды. Срочно. Иначе через пару часов он умрет.

Честность мага заставила похолодеть. Что делать? Я стояла, смотрела в стену, кусая губы, и старалась не разрыдаться от отчаяния.

Мужчина сунул руку в карман, достал золотой, вложил в мою раскрытую ладонь.

– Иди к Матильде, – приказал Эжен. – Я побуду с ним.

Я подняла на него глаза, нервно сглотнула. Маг удивленно приподнял брови и показал взглядом на выход. Я выскочила за дверь, быстро оделась на кухне, прислушиваясь к шуму наверху. Почти бегом нырнула в темноту морозной ночи. И только на полпути осознала несколько вещей. За меня заступились. Первый раз в жизни. И кто? Мужчина. Все мои незыблемые истины как-то потускнели. Нет, Эжену я не доверяла, но… Он дал мне монету, которая спасет жизнь брату. Интересно, откуда маг знахарку знает?

Глупая. Он же наверняка понял, что я где-то зелья для него брала. Найти Матильду и расспросить труда не составило. Особенно если ты темный маг. И эти двое суток он явно меня искал. Удивительно, что так долго. Наверное, просто не знал, как я выгляжу, и это усложнило поиски. И снова вопрос – зачем я ему? Впрочем, главное сейчас совсем не это.

Знахарка, когда рассмотрела в моей руке монету, не утерпела и спросила, кто дал. Я сказала правду. Та кивнула, протянула флакон и сдачу медью. В комнату к Орасу я влетела как ураган, сунув в руки магу монеты и зелье.

– Риана, – прошептал брат.

– Все будет хорошо, – выдохнула я, скидывая полушубок и платок.

– Ложку принеси, – сказал Эжен, вставая с табуретки – единственной мебели, которая у меня тут была, не считая старой кровати. В каморку под лестницу все равно бы больше ничего не поместилось. Даже маг здесь смотрелся странно и чужеродно.

Я сбегала за требуемым, наблюдая, как Орас пьет зелье от простуды. Поил его мужчина, так как руки у меня дрожали. Через пару минут жар у брата спал, горло перестало хрипеть, а сам он сладко зевнул и заснул. Я опустилась перед кроватью на колени, поправила одеяло, а затем развернулась в сторону мага. Осторожно взяла его руку, прикоснулась к ней губами, а потом лбом, замерев на мгновение. Этот жест означал высшую благодарность. Его рука скользнула по моей щеке, взяла за подбородок и заставила посмотреть ему в глаза. Сейчас, в свете тускло горящей свечи, они казались золотыми.

– Никогда так больше не делай, Риана, слышишь? – спокойно спросил он.

– Вы сейчас спасли жизнь моему брату, – прошептала я.

– Мне напомнить, что ты сделала для меня в лесу?

– Я… просто так вышло… И к тому же…

Руки у меня по-прежнему дрожали, голос не слушался, а в горле стоял ком. Да кто я такая по сравнению с ним? Сирота в залатанной рубашке и штанах, не имеющая ничего, кроме любви к брату и постоянных подзатыльников.

– Встань, – приказал колдун.

Я честно попыталась выполнить это простое действие. Но тело стало каменным, не слушалось. Эжен наклонился, подхватил меня и поднял.

– Единственный человек, перед которым ты можешь встать на колени, – ребенок. Ясно?

Я кивнула, понимая, что это у него все так легко и просто. У меня другая жизнь и другие реалии.

– Пошли наверх, нужно поговорить. Здесь лишних ушей не сосчитать сколько. Защиту сейчас поставить не могу, много сил потратил на твои поиски, – соизволил пояснить маг. – В комнатах Гард и Лан помогут.

– Орас…

– С ним все будет хорошо, – повторил мои слова Эжен.

И такая уверенность в его голосе была, что я безоговорочно согласилась. Но брата оставлять сейчас не хотела. Нерешительно посмотрела на Эжена. Темный колдун вздохнул, подошел к кровати, завернул Ораса в одеяло, поднял на руки и кивнул, указывая на дверь. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

На втором этаже снова стоял крик и шум. Но что Эжен сделал с Барисой, я спросить не решилась.

В комнате горело множество свечей, бросая тени на стены. От них было светло как днем. Пылающий камин наполнял пространство теплом. На тумбочке возле окна лежала стопка книг. Рядом за столом сидели два мага и обсуждали какие-то свитки, находящиеся у них в руках. При виде нас оба вскочили, отложив их в сторону.

– Эжен, что стряслось? – спросил Лан, отбрасывая прядь белоснежных волос за спину и смотря на меня глазами, цвету которых позавидовали бы полевые васильки.

Светлый костюм, украшенный замысловатой вышивкой, сидел на нем идеально. Сам мужчина был стройный да ладный. Неудивительно, что Гженка по нему так вздыхала. Чисто внешне он был словно принц из ожившей сказки.

– Нашел? – уточнил Гард, обводя взглядом нас всех.

У него были короткие каштановые волосы, мудрые карие глаза и черты лица не такие мягкие, как у Лана. Одет в черный дорожный костюм. Он поправил сползающий со спинки стула светло-серый плащ с серебряными узорами и снова посмотрел на меня и Эжена.

– Да. Знакомьтесь. Это Риана, – показал на меня темный маг.

Мужчины переглянулись.

– А это кто? – поинтересовался Гард, наблюдая, как маг укладывает Ораса в свою постель.

– Ее брат, – коротко отозвался Эжен. – Защиту поставьте.

Гард и Лан зашептали, делая руками причудливые взмахи.

– Что с хозяйкой трактира случилось? – невозмутимо уточнил Гард.

– Руку сломал, – спокойно ответил темный колдун, наливая в стакан воды и залпом ее выпивая.

Маги снова переглянулись. А я от ужаса похолодела.

– Она попыталась ударить Риану, – пояснил Эжен, сжимая пальцы так, что те побелели.

Удивительно, но мужчины синхронно кивнули, соглашаясь с ним. Лица их стали серьезными и сосредоточенными.

– Присаживайся, – мягко сказал Лан, пододвигая один из свободных стульев.

– И расскажи, как нашла Эжена, – добавил Гард.

И они дружно уставились на меня.

Сесть я не решилась. Так и осталась стоять возле кровати, где спал Орас.

– Он на поляне был, – выдавила я, не зная, о чем именно рассказывать магам.

– Как в лесу оказалась? – перебил Эжен.

– За хворостом отправили, – созналась я, понимая, что лгать им – гиблое дело. Да и не умею я. Всей моей хитрости только и хватало на то, чтобы иногда Орасу втихаря тарелку каши дать да за ягодами летом с собой в лес взять, чтобы вволю полакомился. Бариса считала, мы с братом и того не заслуживаем. Нахлебники, одним словом.

– Ночью? – спросил Лан, в глазах которого заплескалось изумление.

– В зимний лес? – уточнил Гард, слегка теребя край какого-то старого свитка.

– Да. Я немного заблудилась. А потом возле чащи шум поднялся. Ну я и пошла посмотреть, что случилось. – Я покраснела, понимая, как нелепо выглядит этот мой поступок.

– И нашла Эжена? – вопрос мужчины задали хором.

– Да. Он сказал, что к людям ему нельзя и нужна капля крови, чтобы сеть снять. Правда, потом сознание потерял. А я в пещеру уже принесла зелья и еду.

– Каким образом он в пещере-то оказался? – не понял блондин.

– Перенесла.

Маги снова переглянулись. Меня это начало нервировать. Создавалось ощущение, будто я все не так сделала. А как надо было?

– Ты что, его через весь лес волокла? – удивился Гард.

Хм… Похоже, маги наведались и в чащу, и в пещеру. И имели представление о том, какое расстояние мне пришлось преодолеть.

– Ну да. Он же ранен был, а там снег и холод. – Я немного смутилась, не зная, как объяснить очевидное.

Мужчины внимательно посмотрели на меня. Хотела бы я понять, что означают эти взгляды. Но опыта маловато. Эжен же повернулся спиной ко мне и смотрел в окно, словно его и не интересовал этот разговор о спасении.

– Откуда монету взяла на зелья? – спросил дотошный Гард.

– У меня была. Я летом нашла ее в реке. Вы не подумайте, я не воровка. Я не взяла чужого даже сейчас, когда брат заболел, – прошептала я, чувствуя бессилие.

– Разве мы тебя обвинили в воровстве? – удивился Лан, сверкая синими глазами.

– Нет. Простите… – Я растерялась от этих расспросов, не зная, как себя вести.

Наверное, потому, что привыкла молчать.

– Почему ты не взяла ничего у Эжена? У него же кошель с монетами с собой был, амулеты, кольца, – осторожно заметил блондин.

– Я… про монеты не знала, иначе взяла бы, чтобы ему лекарства купить и еды. А кольца и амулеты – их же не продашь, не объяснив, откуда они взялись у сироты.

На лицах магов появилась задумчивость. Видимо, я ответила как-то совсем не так. Тишина затянулась. Эжен, не произнесший ни слова за все это время, не задавший мне ни единого вопроса, развернулся и снова оказался рядом. Рассек свою ладонь откуда-то взявшимся ножом, что-то прошептал. Капля крови растаяла в воздухе. Его рука легла на мой подбородок.

– Смотри мне в глаза и не пытайся сопротивляться, – приказал он.

Я уставилась помимо своей воли на него.

– Вспоминай ту ночь.

Проверяет, сказала ли правду. Обидно. Я не лгунья.

– Я знаю, но проверить обязан, – сказал колдун таким голосом, что у меня ноги подкосились.

Я вздрогнула, осознав, что последнюю фразу произнесла вслух. Сосредоточилась и стала вспоминать. Внутри появилась легкая щекотка, от которой хотелось избавиться. Но я понимала – нельзя. Эжен читает мою память. Главное сейчас – действительно сосредоточиться. Не показать лишнее. Только ту ночь в лесу. Но не свои мысли. Правда, удавалось мне это с трудом.

Наконец мужчина отпустил меня, сделал шаг назад, потер виски, задумался, рассеянно смотря вдаль. Лан и Гард молчали и явно ждали его решения.

– Что хочешь в награду? – спросил Эжен, снова заставив плыть от золотисто-зеленого взгляда.

Я вытаращилась на него. Награду? За что? За то, что не бросила в лесу? За то, что тащила его на себе? За то, что поделилась последним куском хлеба? Смешно, если честно. Разве я спасала его ради чего-то? Просто не могла бросить раненого мужчину в зимнем лесу ночью. И все. А награда…

Деньги мне не нужны. Все равно отберут. А что он сможет дать, кроме них? Дом? И долго ли тот выстоит? В моей деревне корыстолюбивые и завистливые люди. Сироту с таким приданым в покое не оставят. Орас… ну, да тот уже здоров, а это самое важное. С остальным я разберусь. Вытерплю. Переживу. Поэтому…

– Спасибо. Мы в расчете, – показала головой на мирно спящего Ораса.

Маг нахмурился. Золото в глазах стало ярче, окутало меня, пригвождая к месту, не давая свободно вздохнуть.

– Я потратила золотой – вы его вернули. Я спасла вас, вы – моего брата, – пояснила я, стараясь не разреветься от мысли, что придется остаться тут, в этом трактире.

Никогда в жизни мне еще не было так одиноко и плохо, как в этот момент. Просто осознала: ничего в этой жизни изменить не получится.

Как не вовремя вспомнились эти желания, каковым не суждено сбыться. Не думать бы, что со мной потом будет. Бариса за унижение, которое из-за меня испытала, не выгонит, но отыграется сполна. А через год… Может быть, я найду возможность сбежать вместе с братом. Сейчас он еще слишком мал. Подрастет, начнет помогать, никто и не станет считать его лишним ртом.

Нужно сделать летом запасы из ягод и сушеных грибов, так как необходимо будет продержаться какое-то время. Только куда идти, чтобы не нашли? А Бариса придет в ярость, когда встану поперек ее слова, в этом я и не сомневалась. У нее вон какие планы на меня, как выяснилось.

Работу я себе всегда найду. Попроситься бы к этим магам. Им же тоже нужны служанки. И хуже, чем здесь, мне уже не будет. Но просить было стыдно. Тем более сейчас, когда я уже отказалась от их помощи.

Мужчины молчали, явно не зная, как мне объяснить, что я должна покинуть комнату. Я уже собралась повернуться к Орасу, взять его на руки и спуститься в нашу каморку, но золотистые глаза Эжена снова уставились на меня. И я остановилась. Темный колдун посмотрел так, словно что-то решил, взмахнул рукой.

– Говори, что видишь.

Перед глазами возникла белоснежная бабочка.

– Мотылек, – сказала я, не понимая, что происходит.

– А я вижу свечу, – вдруг отозвался Орас.

Его голос заставил всех вздрогнуть и повернуться в сторону кровати. Я подскочила к нему, прижала к себе.

– Как ты?

– Мне хорошо, Риана. И ничего не болит, – весело отозвался братишка. – А вы покажете еще картинки? – спросила эта непосредственность у темного мага.

– Покажу, – усмехнулся тот. – Смотрите оба, называйте, что видите.

Снова взмах рукой.

– Кленовый лист.

– Сабля.

И почему мы с братом разное видим?

– Снег.

– Искры.

– Огонь.

– Стрела.

– Птица.

– Заяц.

– Черный клубок, похожий на дым.

– Светящийся шарик.

Эжен стряхнул что-то с ладоней и усмехнулся. Выглядел он при этом усталым.

– Тебе нельзя напрягаться, – сказал Гард, оказываясь рядом с темным магом.

– Знаю. Просто любопытно было.

– Любопытно ему, – проворчал маг, поглядывая на нас с братом.

Я уже собралась извиниться за нас обоих, но не успела. Раздался стук в дверь. Вошла разряженная в красный с золотой вышивкой сарафан Гженка и зло уставилась на меня.

– В чем дело? – спросил Лан, даря ей легкую улыбку, которая мне напомнила оскал.

Девушка немного смутилась, покраснела, опустила голову, отчего ее медные серьги слегка зазвенели. Повернулась ко мне:

– Риана, нужно убраться на кухне и в зале, а также моя мать требует, чтобы ты пришла к ней сию минуту.

Я сжалась в комок, сделала шаг.

– Она тут останется, – жестко припечатал Эжен. – А вы, сударыня, принесите нам горячий ужин. Да поскорее.

Выражение лица дочери Барисы стоило увидеть. Она открыла рот и стала похожа на рыбу, выброшенную на берег. Гженка надулась, явно собираясь что-то сказать, но передумала, глянув на меня. А я просто видела, как она рассказывает маменьке, что рассмотрела в комнате. Не выживу я тут. Со свету сживут. И почему сейчас зима стоит? Ушла бы, не оглядываясь.

Ужин на стол она расставляла неумело. Разбила две глиняные тарелки, опрокинула кувшин с водой. И все время поглядывала на Эжена и Лана. Гард выглядел старше и ее не прельщал. Едва за ней закрылась дверь, как Орас потянул меня за рукав рубашки.

– Риана, мне есть хочется, – жалобно попросил он.

Я кивнула ему, улыбнулась и подошла к магам.

– Вы позволите его покормить? – осторожно спросила я, отчаянно краснея, что мне приходится просить о милости. Но это для Ораса, а он – ребенок. Для себя бы я не стала такое делать. Переждала бы, перетерпела.

– Конечно. И сама поешь, – спокойно отозвался Гард, складывая свитки в стопку и перевязывая их атласной лентой.

Я подошла к столу, стараясь не глотать слюну от яств, разложенных на тарелках. Налила в кружку воды, отнесла ее Орасу, поставив на тумбочку, снова вернулась. Осторожно взяла два куска хлеба, подумав, раз уж маги так добры, что разрешили мне взять еду, то не стоит отказываться. Кто знает, когда я смогу снова поесть, учитывая сломанную руку Барисы. Взгляд зацепился за яблоко. Я протянула к нему ладонь, опасаясь, что в любой момент меня одернут и остановят, напоминая, где мое место. Но мужчины молчали, пока я резала его на части.

– Благодарю, – сказала я, проходя мимо замерших истуканами магов.

Села на кровать к Орасу и протянула ему хлеб и яблоко. Брату нужны силы после болезни.

Он с радостью ухватился за фрукт, откладывая кусок хлеба прямо на одеяло.

– Это что? – уточнил Эжен, оказываясь за моей спиной.

Я от неожиданности подскочила. Испуганно уставилась на него, невольно загораживая собой брата.

– Простите, если взяла больше, чем следовало. Орас еще слаб после простуды. Яблоко… это вместо моего завтрака утром, – пояснила я, надеясь, что все обойдется.

Эжен не был похож на того, кто отберет у ребенка лакомство. Хотя что я знаю о магах? Люди… они жестоки. И корыстолюбивы. Бьют в самое слабое место. А маги… мне они пока ничего плохого не сделали. Защитили от Барисы, вылечили Ораса, разрешили взять еду.

Но сейчас Эжен смотрел так, словно увидел вместо меня жар-птицу с выводком птенцов, которая заявила ему, что на самом деле она – цапля. И я отчетливо ощущала под этим взглядом, как он приходит к какому-то выводу. И неприятностями запахло. Не стоило так наглеть, наверное.

– Если хотите, я отдам свой хлеб. Я вовсе не голодна, – вымолвила я, решив идти на попятный.

Живот при последних словах издал жалобную руладу.

Темный маг молчал и немигающим взглядом смотрел на краюху хлеба в моей слегка дрожавшей руке.

– А говорила, что не лгунья, – разрушил тишину Гард, подходя к нам.

Эжен резко выдохнул, а потом из его уст посыпались слова на незнакомом мне языке. О смысле их я могла только догадываться, а вот Гард и Лан явно понимали мага. Да и интонации эти… Ругается. Однозначно. Я в растерянности оглянулась на Гарда, наблюдавшего, как Орас замер с долькой яблока в руке и смотрит на нас.

– Иди к столу, Риана, – наконец успокоившись, сказал Эжен. – И Ораса бери.

Отказаться я побоялась. И вот сижу за столом, а передо мной еды столько, сколько я никогда в жизни не съела бы за раз. Гард и Лан наложили в мою тарелку картошку, тушеное мясо и салат. Я накормила Ораса, а потом поела сама. Впервые за все то время, которое прошло после смерти родителей, а мы с братом остались одни, я ощутила себя сытой. Лан и Гард шутили между собой, подкладывая мне то и дело в тарелку, на их взгляд, куски получше. И так перестарались, что у меня одновременно семь кусков разных пирогов оказалось. Эжен молчал и поглощал еду, мрачно смотря перед собой и о чем-то размышляя. И какая муха его укусила? Надеюсь, маг не рассердился на меня. Странный он какой-то…

Орас, сидящий на моих коленях, сонно зевнул. Намаялся за эти дни. Я тоже почувствовала усталость. Да и время позднее.

– Спасибо вам за ужин. Мы пойдем, – тихо сказала я, вытаскивая брата из-под одеяла, в которое он был по-прежнему завернут.

– Нет, – отозвался Эжен. – Принимайте ванну и ложитесь тут. Я переночую у Гарда с Ланом. Завтра поговорим о вашем будущем. Оставаться здесь вам обоим нельзя, – припечатал он и вышел из комнаты.

Маги последовали за ним, пожелав нам спокойной ночи. Я вздохнула, с ужасом представляя, что будет завтра. Отвлек меня Орас. Ему интересно было, как это купаться в ванне. Мы никогда не пользовались подобным удобством, обходились тазиком.

Гженка по распоряжению магов принесла нам горячей воды и, фыркнув, хлопнула дверью.

Я помогла брату вымыться, уложила его в постель, а потом окунулась сама, наслаждаясь теплой водой.

Когда вылезла, передо мной в воздухе возникла льняная рубашка. Я оглянулась, вздохнула и переоделась. Как же это приятно, когда у тебя есть чистая одежда! Я свою, естественно, стирала, но делать это приходилось ночью. После того как пустила на лоскуты запасную, смен-

ной у меня не осталось. Надо было ждать, когда рубашка высохнет у огня, кутаясь в старую простыню и каждый раз надеясь, что никто в такой момент не зайдет и меня не обнаружит. Одежда частенько не высыхала до конца, приходилось надевать ее влажной. Но человек способен привыкнуть и к этому.

Сейчас я натянула длинную, ниже колен, серую плотную рубашку, потушила свечи и нырнула к брату под одеяло. И впервые за все эти годы оказалась на мягкой постели вместо продавленного тюфяка. Накрылась не ветхим одеялом и полушубком, а шерстяным пледом. Камин, в который маги подбросили перед уходом дрова, отдавал свой жар. Тепло окутывало меня целиком, ползло по телу. Я даже не стала думать о том, что со мной сделает Бариса за подобную выходку. Да и Эжен пообещал поговорить о нашем с Орасом будущем. А ему хотелось верить. До безумия. Должна же я хоть кому-нибудь в этом мире верить!

Я обняла брата, закрыла глаза, наслаждаясь спокойствием, уютом и теплом. Все-таки подобное – непозволительная роскошь для сироты вроде меня. Жаль только, что душу мою, превращенную в ледяную реку, это не согреет. Слишком долго раскрывала для меня снежные объятия зима.

Эжен

Переместился. Снова. В который раз только? Сбился со счета. Нет, искать – эта работа для меня привычна. Но неуловимая девчонка, спасшая мне жизнь в лесу, явно об этом не подозревала.

Наконец-то! Нашел!

Сомнений в том, что предо мной именно она, не было никаких. Заклинания на крови не дают осечек.

Я быстро сделал шаг, выскальзывая из тени дерева. Жадно в нее вгляделся. Столько ведь искал. Любопытно.

Красивая. Однозначно. Одни глаза огромные чего стоят. Нос, правда, красный от мороза. Полушубок какой-то нелепый. В нем она кажется совсем маленькой. Как эта птичка-невеличка меня в пещеру доволокла-то?

Ладно, придем на место, разберусь.

Разобрался. До сих пор внутри злость клокочет.

Я столько раз сталкивался с несправедливостью. Столько раз вынужден был вершить суд. Мне приходилось убивать. Мне приходилось быть жестоким. Я – темный маг. Я сам выбрал свой путь. Но сейчас…

Темные силы! Как же хотелось снести этот трактир поганый, где издевались над девчонкой изо дня в день, превращая ее в пустое место, в практически бессловесное покорное существо, ломая волю. И деревню эту сровнять с землей. Следа не оставить! Ведь одно дело просто отрубить голову, а другое – на протяжении долгого времени убивать в человеке человеческое.

Вдохнул. Прикрыл глаза. Не смотреть на эту птаху. Иначе огонь прокатится сотнями ежей по телу. И я стану тем, кто есть.

Нельзя.

Успокоиться. Не дать тьме завладеть собой.

Защитить. Помочь. Добраться до мыслей. Найти способ убедить девчонку рассказать мне правду. Встряхнуть хорошенько, чтобы очнулась.

Открыл глаза, повернулся, встретился с Рианой взглядом.

Жар пополз по позвоночнику. Я смотрел на нее и в этот момент хотел одного – стиснуть в своих руках, успокоить древним, как небеса, способом, показать, что мир может быть другим. Не стоит его бояться. Он не так жесток. И может таить в себе много удивительного и прекрасного.

Да, просто не будет. Это я погорячился, составляя план.

Но я справлюсь. Обязательно.

Я распахнул окно, накинул невидимость, материализовал крылья и шагнул наружу. Мне нужно было успокоиться.

Глава третья

Риана

Какое это блаженство – проснуться в тепле. Но сколько ни тяни, нужно вставать, готовить завтрак, заниматься остальными домашними делами. Я осторожно выползла из-под одеяла и замерла. В кресле возле ярко горящего камина сидел Эжен и смотрел на меня.

– Садись, – показал он на пустующее место напротив него. – Обсудим дела, пока все спят.

Я устроилась на краешке кресла и только тогда осознала, что кроме рубашки на мне ничего не надето. Покраснела, хотела вскочить и найти свою одежду, но Эжен опередил меня, сел на корточки и уставился на едва зажившую рану на колене. Не спрашивая, не интересуясь моим мнением, приложил ладонь к ноге и окутал ее черным пламенем с фиолетово-золотистыми всполохами.

– Только раны могу лечить, – пояснил колдун. – Простуду мне не остановить. Не тот уровень целительского дара.

– Спасибо, – почти шепотом сказала я, радуясь, что он не стал интересоваться, где я ушиблась.

– Расскажи, как ты оказалась в этом трактире, – попросил маг, возвращаясь в кресло, пока я недоуменно рассматривала гладкую кожу на ноге. И следа не осталось от раны.

– Родители умерли, дом сгорел, – коротко ответила я.

– И ты пошла к Барисе?

– Больше никто не захотел к себе брать. Брату тогда год всего был. Бросить его я не могла.

– Да уж…

– Я их не осуждаю. Они всего лишь люди. Никто не обязан был нас спасать и нам помогать, – сказала я, смотря на языки пламени в камине.

Хм… почему я так разоткровенничалась? Последнее явно было лишним.

– О таком понятии, как милосердие, ничего не слышала? – спросил Эжен, всматриваясь в меня.

Какие же у него удивительные глаза! Век бы смотреть… Эх… Что-то я совсем не о том думаю.

– Я не могу это изменить, – тихо ответила я.

Ну а что еще можно тут сказать? Как есть, так есть.

– Ты немногословна, – заметил маг. – Но не стоит теперь бояться, Риана. Я обещаю, никто тебя больше не обидит.

– Не стоит.

Золотистые глаза уставились на меня.

– Не стоит обещать того, что невозможно выполнить. И к тому же я не смогу ничем заплатить вам за доброту. А чем смогу… не готова. Хотя лучше вы, чем кто-нибудь из деревенских, – вымолвила я, пугаясь и этой неожиданной для меня откровенности.

И зачем такое сказала? При чем тут… Со стыда бы сквозь землю провалиться. Я закрыла глаза, нервно сглотнула.

Эжен молчал долго. Слишком долго.

– Посмотри на меня, Риана.

Взгляд у него был открытый, уверенный. Его выдержке я позавидовала.

– Неужели я похож на того, кто поступает именно так, как ты сказала? – спросил колдун с ледяным спокойствием.

Но я чувствовала, что за этим прячется какая-то бессильная злость.

– Я не видела хорошего от мужчин. Вы стали исключением, но надолго ли? – прошептала я, решив сказать правду.

Мне терять нечего, если так подумать. Куда уж хуже, чем сейчас. Маг молчал на этот раз еще дольше.

– Возьмите меня к себе, – попросила я, тут же испугавшись сказанных слов.

Но они как птицы, вылетели и не вернешь.

– Вы не думайте, я не стану обузой. Я многое умею. Научилась. А Орас помогать мне будет. Только он мал, но… – быстро начала оправдываться я.

Эжен поднялся, подошел, вынуждая сжаться в комок.

– Простите, – невольно прошептала я, мечтая провалиться сквозь землю в который раз за этот разговор.

Как я могла забыть, кем являюсь и у кого прошу помощи!

– У вас с братом есть дар, Риана. У Ораса – боевая магия светлых. Тут никаких сомнений. Ему нужно учиться. Лан является директором одной из школ света, где обучают одаренных детей, подобных твоему брату. Он готов взять его к себе. С тобой труднее… Ты видишь и светлое, и темное. И только тебе решать, какой дар принять и сделать своей силой. Нужно будет пройти испытание с выбором пути. А после отправишься учиться в Академию света и тьмы. Директором является Гард, он не будет против.

Как? В соседней спальне спят два мага, директора учебных заведений, которые готовы нам помочь, а я ни сном ни духом? Ошеломительные новости. И кто же тогда Эжен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.